

ПЛОСКОСТЬ ШЕСТЬ ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ: новые материалы

И.Д. Русакова

УДК 903.27

С 2005 года проводятся работы по документированию и мониторингу состояния памятников наскального искусства реки Томь. Они приводят не только к уточнению ранее известных изображений, но и к открытию новых. Настоящая статья вводит в научный оборот новые изображения Томской писаницы, выполненные красной краской.

Ключевые слова: древнее наскальное искусство, Томская писаница, петроглифы, красная краска, самусьская культура, окуневская культура

С 2005 года небольшой коллектив сотрудников музея-заповедника «Томская Писаница», Института экологии человека СО РАН и Кемеровского государственного университета ведёт работы по документированию и мониторингу состояния памятников наскального искусства Нижнего Притомья. Необходимость этих работ обусловлена большим промежутком времени с момента первой наиболее полной публикации петроглифов р. Томь [Окладников, Мартынов, 1972], появлением новых, более совершенных методов фиксации и копирования древних рисунков, и, конечно, необходимостью сохранения памятников наскального искусства. За это время проделана значительная работа, которая позволила, в том числе, обнаружить немало новых изображений практически на всех писаницах [Ковтун, Русакова, 2005; Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005; Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011; Миклашевич, 2011а; Миклашевич, 2011б; и др.] и даже открыть одно новое местонахождение Крутая II [Ковтун, Русакова, 2009].

Настоящая статья вводит в научный оборот новые материалы, полученные на плоскости 6 (по современной нумерации) Томской писаницы в результате повторного копирования, фотофиксации увлажнённой поверхности и прорисовок по фотографиям с повышением контрастности.

Плоскость находится в естественной нише, вероятно, образованной вследствие выпадения огромного скального блока в глубокой древности. В результате образовалась гладкая вертикальная поверхность, защищённая со всех сторон каменными выступами. В течение дня она подвергается воздействию солнечных лучей гораздо менее продолжительное время, по сравнению с другими плоскостями памятника, поэтому патина на ней – значительно менее интенсивная: в правой части – коричневатого цвета. Левая часть плоскости патинирована ещё более слабо: её поверхность имеет серовато-зеленоватый цвет, что лишь незначительно темнее естественного цвета породы, слагающей скалы Томской писаницы. В центральной части

Фото 1. Плоскость 6 Томской писаницы.
Фото И.В. Ковтуна, 2008 г.

Фото 2. Плоскость 6 Томской писаницы.
Фото 2011 г. после удаления эпоксидной обмазки.

Рис. 1. Плоскость 6 Томской писанцы, прорисовка 2014 г.

плоскость покрыта белёсыми (кальцитовыми?) натёками (фото 1, 2).

Плоскость 6 расположена на верхнем ярусе скальных выходов памятника, подходы к ней затруднены, тем не менее так же, как и нижние плоскости, она серьёзно пострадала от посетительского вандализма. Современные надписи нанесены краской и выбиты поверх древних изображений. Они датируются 1927, 1953, 1963 и более поздними годами.

В 1966–1967 годах плоскость 6, наряду с другими плоскостями памятника, подверглась так называемой «реставрации», во время которой часть современных надписей была срезана электронаждаком [Мартынова, Покровская, 2000, с. 59], естественно, вместе с древними рисунками, которые находились под этими надписями. Сейчас эти участки выглядят как гладкие поверхности без патины (фото 3). Другая часть надписей с целью их маскировки была покрыта составом на основе эпоксидного клея. Этим же составом была промазана крупная трещина, пересекающая плоскость по диагонали, вероятно, для укрепления её краёв [Там же]. «Обмазка» со временем приобрела жёлтый цвет и сильно выделялась на поверхности плоскости (фото 1). В 2011 году специалисты ГосНИИ реставрации (г. Москва) удалили с плоскости данный состав. В результате открылись современные граффити, которые уже сами стали историей, например, надпись: «29.VI 1953 г. Группа пионеров

п/л Миличево(?)». Под этой надписью открылись и фрагменты древних петроглифов (фото 3). Кроме этого, как оказалось, под эпоксидной обмазкой плоскость свободна от белёсых натёков (фото 2, 3). Вероятно, их интенсивное образование происходило уже после конца 1960-х годов.

Всё это позволило сделать новую прорисовку петроглифов. Древние рисунки нанесены по всей поверхности плоскости очень плотно. Фигуры в основном крупные, они перекрывают друг друга. Большую часть изображений удалось скопировать ещё в 1960-е годы А. И. Мартынову и его команде [Окладников, Мартынов,

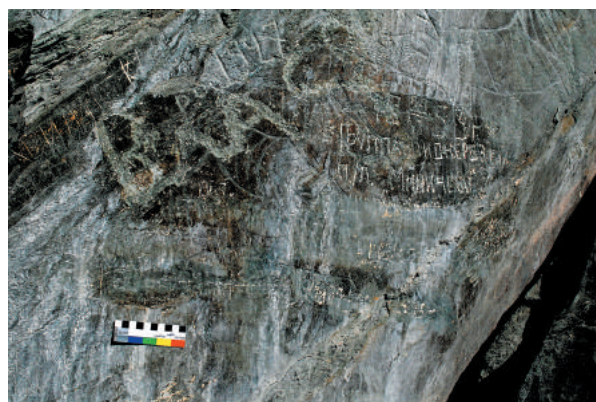

Фото 3. Фрагмент плоскости 6 Томской писанцы после удаления эпоксидной обмазки, фото 2011 г. Ниже расчищенного фрагмента видны гладкие участки, на которых в 1966–1967 гг. электронаждаком была удалена скальная поверхность с современными надписями и древними петроглифами.

Рис. 2. Изображения плоскости 6 Томской писаницы, выполненные краской: 1, 3 – крашенные фигуры лосей, по контурам которых нанесены изображения в технике выбивки с последующей шлифовкой; 2 – силуэтное изображение лося, выполненное краской; 4 – знак (?), выполненный краской.

1972, с. 35–46; рис. 28–48]. Но, как выяснилось, реальная картина несколько отличается от той, что была представлена в 1972 году.

Основная техника нанесения рисунков на плоскости 6 характерна для всего памятника – это выбивка или выбивка с последующей шлифовкой. С помощью этих технических приёмов выполнено подавляющее число изображений плоскости. По большей части это фигуры лосей, шагающих вправо и немного вверх. Лишь одна фигура лося показана направленной в обратную сторону и один лось шагает вправо, но вниз (рис. 1).

Все фигуры лосей имеют одни иконографические признаки: голова (иногда вместе с шеей) выполнена силуэтом, туловище (если сохранилось) – контуром. Глаз и ноздря показаны в технике контррельефа. Глаз чаще всего миндалевидный, рот приоткрыт. Показана «серьга». Всегда изображены два уха. Они были выпол-

нены в виде буквы «V» или параллельно друг другу, при этом могли быть направлены перпендикулярно голове, слегка назад или вперёд, что является выразительной характеристикой состояния зверя. У большинства фигур туловище в передней части мощное, широкое, в задней – зауженное. Подчёркнут горб. Длинные ноги раскинуты в беге или в широком шаге, у двух фигур одна передняя и одна задняя нога перекрещены под туловищем. Возможно, этот иконографический приём применялся при изображении ещё нескольких фигур, но из-за повреждений и утрат это можно лишь предполагать (рис. 1; 7, 2). В пяти случаях ноги представлены следующим образом: верхняя часть показана в виде двух линий, которые соединяются в одну в районе коленного сустава. Копыта весьма разнообразны: у некоторых фигур – раздвоенные копыта, у других – трёхпалая «птичья» лапа, а у одного изображения – даже четыре «паль-

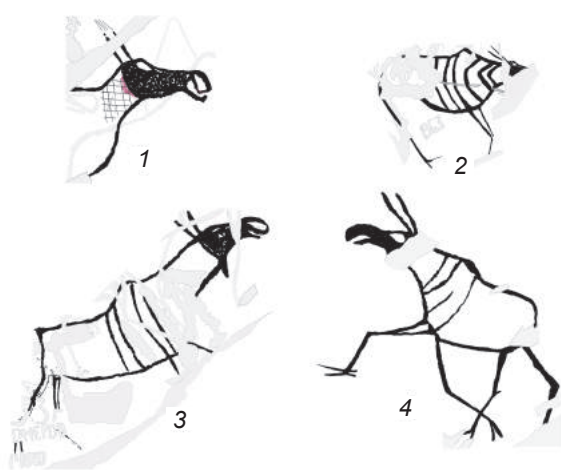

Рис. 3. Изображения лосей с плоскости 6 Томской писаницы.

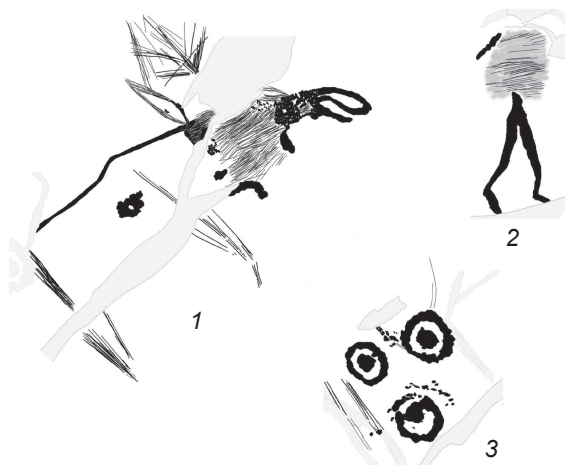

Рис. 4. Незавершённые изображения плоскости 6 Томской писаницы.

ца». Иногда у одной и той же фигуры на ногах – разное количество «пальцев» (рис. 1; 2, 3; 3, 4). Может быть, это следствие подновления фигур, в результате которого появлялись новые детали.

Большинство полных фигур лосей имеют орнаментацию шеи и/или туловища в виде дугообразных (реже – прямых) поперечных линий. В одном случае шея лоса орнаментирована тонкими прочерченными линиями в виде косой сетки (рис. 1; 3, 1), ещё в одном – в виде «ёлочки» с «вершиной», направленной в противоположную от головы сторону: посередине шеи выбита продольная линия, от которой под углом отходят короткие отрезки, соединяющиеся с линиями контура шеи (по четыре отрезка с каждой стороны) (рис. 1; 2, 3).

От части фигур лосей сохранились только голова или голова и шея. Возможно, некоторые из них были изначально парциальными из-за недостатка свободного места на плоскости (рис. 1).

Два лоса показаны с рогами, остальные – безрогие (самки?).

Помимо изображений лосей, на плоскости представлены: заяц (?), две антропоморфные фигуры и личина (рис. 1).

Нами были зафиксированы незаконченные изображения, которые позволяют проследить этапы создания рисунков. Например, незаконченное изображение лоса в правой части плоскости. Тонкими прочерченными линиями был сделан эскиз фигуры: ромбовидное ухо, рога в виде нескольких линий с отходящими от них вверх и в стороны прямыми отростками, туловище, одна задняя и одна передняя ноги. Затем была нанесена выбивка по линии спины с подчеркнутым горбом и по передней части головы в районе губ. Глаз остался намеченным тонкими линиями. Также многочисленные тонкие линии были нанесены в районе головы и шеи. Сверху этих линий местами нанесена выбивка (рис. 4, 1).

Возможно, незаконченным осталось изображение личины в правой части плоскости. Глаза её показаны в виде выбитых окружностей с небольшими округлыми ямками в центре. Рот изображён также в форме окружности с округлой ямкой внутри, которая намеренно или в результате сколов при выбивке с двух сторон соединяется с внешним контуром. Выше «рта» и немного справа от него выбита дугообразная линия, которая, вполне вероятно, может иметь отношение к данному изображению. Слева на-

Фото 4. Фрагмент плоскости 6 Томской писаницы. Фото И.В. Ковтуна, 2008 г. Контрастность увеличена.

Фото 5. Фрагмент плоскости 6 Томской писаницы. Фото И.В. Ковтуна, 2008 г. Контрастность увеличена.

Фото 6. Фрагмент плоскости 6 Томской писаницы. Фото И. В. Ковтуна, 2008 г. Контрастность увеличена.

несено несколько тонких прочерченных прямых линий. Возможно, таким образом был намечен контур личины, так и оставшийся в виде эскиза (рис. 4, 3).

Ещё одна незавершённая фигура – антропоморфное существо (?). Была ли у этой фигуры голова, неясно из-за утраты скальной корки.

В технике выбивки показаны слегка согнутые в коленях ноги шагающего человека. Выделены ступни носками вправо. Выше ног и нижней части туловища поверхность камня затёрта, видны тонкие линии, видимо, образовавшиеся в процессе этой затирки. Слева от затёртой поверхности видна выбитая линия, которая может быть рукой данной антропоморфной фигуры (рис. 4, 2).

Подобные поверхностные затирки (или шлифовки, скобления) были обнаружены на плоскости 7 памятника [Миклашевич, 2011, с. 138]. Скорее всего, затирание поверхности происходило с помощью камня, и наиболее твердые частицы инструмента оставили следы в виде тонких царапин, сохранившихся до наших дней. В отличие от других случаев применения подобной техники, например, на Шишкинской писанице [Мельникова, Николаев, Демьянович, 2011, с. 19], или на плоскости 7 («верхний фриз») Томской писаницы [Миклашевич, 2011, с. 138–139], верхняя часть плоскости 6 патинирована слабо, и поверхностная шлифовка изображения не создавала большого контраста с окружающим фоном. Этот факт позволяет предположить, что затирка здесь могла использоваться для получения эскиза рисунка.

Помимо выбитых, шлифованных и прочерченных изображений, в центре плоскости 6 нами обнаружены многочисленные следы краски, по крайней мере, двух оттенков – красного и бордового. К сожалению, рисунки, выполненные краской, сохранились весьма фрагментарно, как из-за естественных причин (выветривание, кальцитовые натёки, закрывшие краску), но главным образом из-за выбитых позднее петроглифов поверх крашенных фигур (рис. 1; фото 4–6).

Выполненные красной краской изображения на Томской писанице ранее были обнаружены на плоскостях 7 и 7А (грань слева и немного ниже плоскости 7) [Миклашевич, 2011а, с. 140, рис. 11–14]. Одно из них, оригинальная личина, уже получило свою интерпретацию [Ковтун, 2014, с. 154, табл. 65, 66].

Сейчас пока трудно сказать, какой по составу была краска. Как показывают исследования, у древних народов соседней с Кузнецкой Минусинской котловины в качестве красителей применялись, по крайней мере, два вещества – гематит и охра [Есин, Магай, Руссельер, Вальтер, 2014, с. 87]. Вопрос, какая краска применялась на скалах Томи, ещё требует изучения.

На плоскости 6 краска довольно интенсивно покрывает центральную часть. Здесь было нарисовано несколько крупных фигур, и, вероятно, это были лоси. Одно из этих изображений сохранилось лучше других, хотя и оно повреждено широкой трещиной и сколами, а также фигурами лосей, нанесённых сверху в технике выбивки. Изображение силуэтное. Сохранились голова, вероятно, одно ухо, направленное вперёд, большая часть корпуса и частично две задние и одна передняя ноги. Судя по сохранившимся фрагментам, ноги были слегка согнуты, то есть лось показан в движении (рис. 1; 2, 2). Краска, которой выполнено изображение, имеет два оттенка – красный (в районе верхней губы и на груди) и бордовый (по всей остальной части туловища). Это, в частности, может говорить о том, что не только выбитые, но и нанесённые краской изображения могли подновляться, и цвет краски не всегда был одинаковым.

Сзади и спереди описанной фигуры краской было нанесено ещё два изображения, вероятно, лосей, в силуэтной манере (рис. 2, 1, 3). С этими двумя изображениями прослежена интересная особенность: прямо по их контурам позднее были нанесены другие изображения лосей, но уже в технике выбивки с последующей шлифовкой. Первый палимпсест: крупная фигура лося с подпрямоугольным туловищем, слегка расширяющимся в грудной части, с ногами, которые могли быть перекрещены (сейчас из-за повреждения современной выбивкой это сказать сложно), перекрывает изображение, которое было выполнено краской в силуэтной манере. Остатки краски сохранились в районе шеи «верхнего» лося, его туловища и головы: в районе не сбитой скальной корки на месте глаза и ноздри, между верхней и нижней губой, над верхней губой, под головой. Также краска сохранилась по контуру ушей животного. Создаётся впечатление, что голова этой фигуры была выбита точно сверху головы красочного изображения и повторяет её контуры (фото 4–6; рис. 2, 1, 2).

Второй палимпсест: крупное изображение лося, поднявшего голову и шагающего вправо и вверх. Голова его увенчана ветвистыми рогами, развёрнутыми анфас и насчитывающими в общей сложности 13 отростков. Крайний левый отросток (по отношению к зрителю) продолжается тонкими прочерченными линиями. Туловище лося имеет подпрямоугольную форму. На задней ноге, отставленной назад, видны

три «пальца» «птичьей» лапы. Конец второй задней ноги, направленной вперёд, повреждён современной выбивкой. Передняя нога, отставленная назад, заканчивается двумя «пальцами», а нога, направленная вперёд, – цельным копытом. Изображение выбито поверх силуэтной фигуры, выполненной краской. Это мы уже отмечали в одной из работ [Ковтун, Русакова, 2014, с. 39, 40]. Следы краски прослеживаются в районе ушей, рогов, глаза, ноздри, нижней губы, «серьги», шеи, груди, спины и одной передней ноги животного. Причём краска и здесь сохранилась по контуру ушей, глаза, губ лося, по линии спины. При этом хорошо видна одна из передних ног фигуры, нанесённой краской, линия которой не совпадает с линией ноги выбитого животного. То есть художник, выбивавший лося поверх выполненного краской, строго придерживался более раннего изображения только в районе головы и рогов, туловище он наносил более свободно, не так близко к имеющемуся оригиналу (рис. 2, 3).

Ещё одно изображение, выполненное краской красноватого оттенка ближе к верхней части плоскости – это знак (?), или фрагмент неопределённой фигуры. Он перекрывается нанесёнными с помощью выбивки антропоморфной фигурой и двумя фигурами лосей. Возможно, более насыщенные линии этого знака нанесены на фон, также покрытый краской. Из-за белёсых натёков сегодня утверждать это трудно (фото 5; рис. 2, 4).

Кроме описанных рисунков, краской были выполнены и другие изображения, но они сильно повреждены, и идентифицировать их пока не представляется возможным (фото 4–6; рис. 1).

Следует отметить, что на плоскости 6, судя по палимпсестам, изображения, выполненные краской, были нанесены раньше, чем выбитые и шлифованные фигуры: практически все они перекрываются выбивкой. Лишь в одном случае нога крупного выбитого лося сверху покрыта краской (фото 4–6; рис. 1; 7, 1). Возможно, это произошло в результате подновления крашеного изображения уже после того, как сверху был выбит лось, но раньше, чем здесь появились другие выбитые фигуры.

Представляется возможным проследить очерёдность создания изображений, по крайней мере, на первых этапах. Сначала краской в центральной части плоскости были нанесены три крупных силуэтных фигуры лосей, а также другие изображения. В таком виде плоскость пред-

ставляла впечатляющее зрелище, т.к. на серовато-зеленоватом фоне скалы крупные красочные фигуры животных были прекрасно видны как с площадки перед скалой, так и с реки. Затем, через определённый временной отрезок, который мог составлять один день или один век, поверх знака (?) и других красочных изображений в правой части уже существующей композиции была выбита ещё более крупная фигура лося. Композиционно эта фигура занимает на плоскости доминирующее положение: сверху и в центре. Она перекрывает только изображения, выполненные краской, в свою очередь, перекрываясь всеми соприкасающимися с ней выбитыми изображениями (рис. 1). Возможно, одновременно с данной фигурой были выбиты и другие, менее крупные фигуры в нижней части плоскости. Затем было подновлено среднее красочное изображение лося, в результате которого бордовая краска была наложена поверх передней ноги выбитой фигуры лося, т.к. выбивка проходила по шее крашеного изображения.

Следующим по счёту был выбит ещё один крупный лось, который выглядит как брат-близнец первому выбитому лосю и также располагается в центре плоскости. Он перекрывает крашенные изображения и ногу первой выбитой фигуры (рис. 1). Следующим этапом было нанесение двух фигур лосей, которые выбивались по контурам крашенных изображений. Далее выбивались фигуры более мелкие, которые занимали имеющееся свободное пространство и перекрывали уже имеющиеся изображения. Всего в настоящее время на плоскости выявлено 27 изображений, по всей вероятности, составляющих одну смысловую композицию, начало которой положили изображения, выполненные краской.

Что касается крашенных изображений на плоскостях 7 и 7А, Е. А. Миклашевич отмечает, что на плоскости 7 «в выбивке изображений зооантропоморфного существа и лося, которые пересекаются с крашеными рисунками, следов краски не замечено» [Миклашевич, 2011а, с. 140]. Это, скорее всего, говорит о том, что выбитые изображения были нанесены после крашенных. А вот на плоскости 7А крашенная личина нарисована поверх изображения лося, которое выполнено с помощью выбивки, шлифовки и гравировки [Там же, с. 140, рис. 13, 14].

Таким образом, все рассмотренные палимпсесты свидетельствуют о том, что крашенные изображения наносились на плоскости Томской

Рис. 5. Сердцевидные личины: 1 – лог Каменка, фрагмент плоскости (по: [Миклашевич, 2013]); 2 – группа I Томской писаницы.

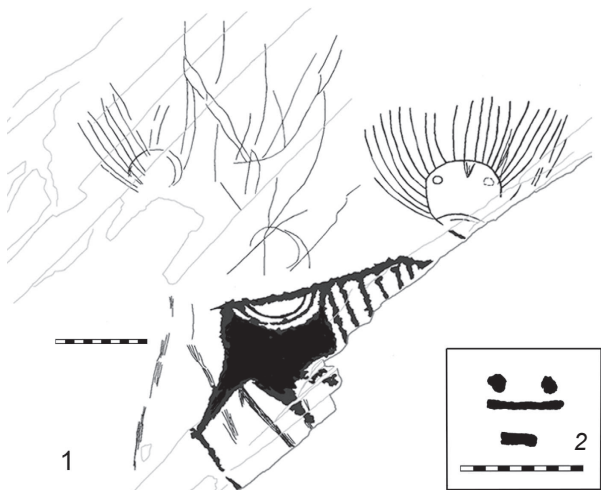

Рис. 6. Изображения раннего этапа окуневской культуры: 1 – солнцеголовые персонажи на плоскости 7 Томской писаницы (по: [Миклашевич, 2011]); 2 – парциальная личина на плоскости IV.3 Новоромановской писаницы.

писаницы относительно одновременно с изображениями так называемой ангарской изобразительной традиции, иконографические приёмы которой уже не раз были описаны и чётко прослеживаются на данном памятнике.

Очевидно, что красная краска применялась на Томской писанице довольно активно. Изображений, выполненных ею, здесь было значительно больше, чем удалось зафиксировать на сегодняшний день. На это указывают, в частно-

сти, небольшие фрагменты рисунков, уходящих под сколы и обрушения скальной поверхности [Миклашевич, 2011а, рис. 13, 14], и пятна краски аморфной формы, имеющиеся на плоскостях 6, 7 и 7А, которые, скорее всего, являются остатками существовавших когда-то изображений. На Томской писанице, как вероятно, и на многих других памятниках сопредельных территорий краска при нанесении изображений использовалась не реже, чем другие техники, но вследствие большей уязвимости крашенных изображений по отношению к различным внешним факторам таких рисунков сохранилось значительно меньше [Есин, Магай, Руссельер, Вальтер, 2014, с. 79–80].

Изображения, выполненные красной краской, есть и на плоскости I Тутальской писаницы. А. П. Окладников и А. И. Мартынов в своей монографии описывают две такие фигуры и «охристые тёмно-коричневые пятна» [Окладников, Мартынов, 1972, с. 143–146]. Существование одного из этих изображений, якобы «палеолитической лошади», вызывает большие сомнения. Е. А. Миклашевич уже отмечала, что это изображение появилось, скорее всего, в результате неверной прорисовки рельефа плоскости в 1960-х годах [Миклашевич, 2011, с. 139–140].

При экстремальном повторном копировании этой плоскости в 2005 году мы не увидели крашенных изображений. Но в 2009 году с использованием мощной фототехники были сделаны фотографии, на которых при специальной обработке выявляется несколько крашенных фигур, вероятно, лосей, выполненных в той же иконографической манере, что и выбитые изображения, но ещё более крупных. Одна из этих фигур, расположенная в нижней части плоскости, приведена в публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова под номером 3 [1972, с. 144, 145, 153]. Так что в ближайшем будущем плоскость номер 1 Тутальской писаницы ждёт ещё одна публикация.

В целом, применение красной краски – это ещё один дополнительный аргумент, который связывает томские петроглифы с окуневской изобразительной традицией, во время существования которой краска часто использовалась при нанесении изображений на скалы, стелы и плиты [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 122; Леонтьев, 1978, с. 89–97; Советова, Миклашевич, 1999, с. 57–60; Заика, 2012, с. 69–70; Есин, Магай, Руссельер, Вальтер, 2014, с. 79, 81–85; и др.].

Сходство значительной части нижнетомских петроглифов с петроглифами окуневской изобразительной традиции уже неоднократно отмечалось исследователями, начиная с 1970-х годов [Подольский, 1973, с. 273; Шер, 1975, с. 68; Молодин, 1993, с. 10, 13; Ковтун, 2001, с. 123–127; Ковтун, Русакова, 2008, с. 346; Есин, 2009, с. 156–157; Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010, с. 91; Ковтун, Русакова, 2013, с. 22; и др.]. Однако в работах последних лет эта традиция рассматривается в качестве субстрата, который стал одной из составляющих самусьской изобразительной традиции и учитывается в «сумме факторов опосредованного влияния на иконографию нижнетомских петроглифов» [Ковтун, 1993, с. 41]. То есть основной культурный пласт, с которым связываются ранние нижнетомские петроглифы – самусьский. Привязка к самусьским древностям изначально, при разработке культурно-хронологической принадлежности петроглифов Висящего Камня, а затем и других нижнетомских петроглифов, была обусловлена тем, что на данной территории известны памятники этой культуры [Бобров, 1992, с. 11; Ковтун, 1993, с. 9]. Эта тема была основательно проработана и продолжает прорабатываться в настоящее время [Ковтун, 1993; 2001; 2014; Есин, 2009].

Важность привлечения археологических материалов для культурно-хронологической атрибуции петроглифов несомненна. Однако в археологическом отношении район локализации томских писаниц на сегодняшний день изучен недостаточно. Лишь в последние годы здесь ведутся планомерные разведочные работы и осуществляются стационарные раскопки [Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010; Ковтун, Марочкин, 2013; Марочкин, Герман, 2011; Марочкин, 2012; Марочкин, Коночук, Юракова, 2013; Марочкин, Коночук, 2014; и др.]. В результате проведённых исследований в настоящее время на участке от Томской писаницы до писаницы Висящий Камень известны памятники от развитого неолита до средневековья, включая крохалевский, самусьский, кулайский комплексы [Марочкин и др., 2012, с. 113–114; Марочкин, Коночук, 2014, с. 30–31].

Большое значение для датировки наиболее ранних томских петроглифов имеет находка изображения лодки на скальном выходе, перекрытом археологическими слоями на памятнике Долгая I, расположенного непосредственно над основным местонахождением Новороманов-

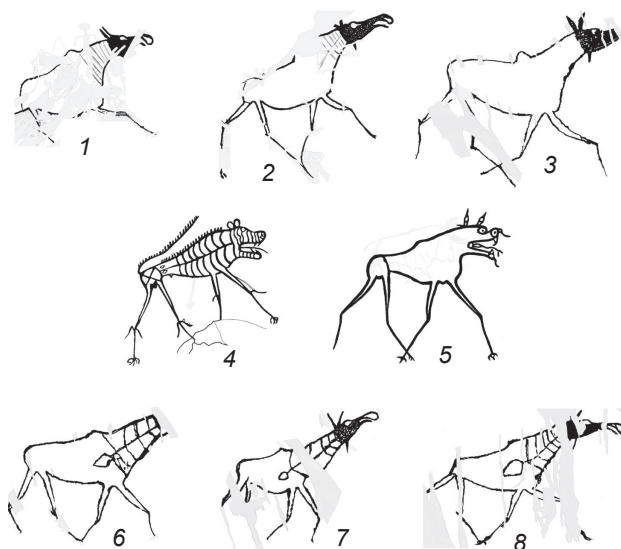

Рис. 7. Изображения лосей и фантастических хищников: 1, 2 – Томская писаница, плоскость 6; 3, 6–8 – Тутальская писаница, плоскость 1; 4 – могильник Черновая VIII (по: [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006]); 5 – гора Тюря (по: [Там же]).

ской писаницы. Проведённый стратиграфический анализ залегания находок разного времени привёл исследователей к выводу, что изображение лодки не могло быть выполнено позднее II тыс. до н.э., а «...скорее всего, позднее XVII в. до н.э.» и может быть связано с сейминско-турбинским периодом, представленным в Нижнем Притомье крохалевскими древностями [Ковтун, Марочкин, 2013, с. 20; Ковтун, 2014, с. 91–92]. Кроме этого, была предположена возможность связи типично окуневского парциального изображения личины, обнаруженной на Новоромановской писанице в 2008 году после расчистки одной из плоскостей от лишайника [Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011, с. 141, рис. 11], с крохалевским комплексом, который «сосуществовал с периодом, разделяющим раннюю и развитую фазы окуневского культурогенеза» [Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010, с. 92]. Следует отметить, что эта связь всё же была проведена со знаком вопроса [Там же].

Смущает в данной ситуации то, что эта личина – действительно типично окуневская, раннего, уйбатского иконографического типа [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 16, 19, №1, 2, 162 и др.] (рис. 6, 2). Однако окуневские памятники в Кузнецкой котловине в настоящее время не известны. Это заставляет исследователей искать привязки среди культур, присутствие которых на данной территории доказано. Но большинство параллелей в самусьской изобра-

зительной традиции, приводящихся для нижнетомских петроглифов, имеют «формально-иконографический» [Ковтун, 1993, с. 36] характер. Например, сопоставляя сердцевидные личины нижнетомских писаниц с сердцевидными личинами на самусьской керамике, И. В. Ковтун подчёркивает: «имеются основания предполагать элемент стилистической сопричастности сердцевидных личин на самусьской керамике и на двух нижнетомских писаницах (Висящего Камня и Томской – *И. Р.*) [Ковтун, 2014, с. 31, табл. 12, 13]. Но куда ближе нижнетомские сердцевидные личины личинам Минусинской котловины. А некоторые из них имеют, фактически, прямые аналогии. Например, сердцевидная личина группы I Томской писаницы и одна из личин в логу Каменка [Миклашевич, 2013, рис. 1, I] (рис. 5). Обе имеют сердцевидный контур, приострѐнную нижнюю часть абриса, близко расположенные к верхнему контуру глаза, рот, показанный короткой горизонтальной чертой и дугообразную линию выше рта, направленную своими концами вниз. Отличает их два момента: наличие коротких прямых рогов у личины из лога Каменка, и то, что у личины Томской писаницы округлые пятна глаз имеют дополнительную «обводку» в виде окружностей. Создается впечатление, что выполнены эти личины были по одному шаблону (иконографическому канону), к которому в каждом из случаев были добавлены свои индивидуальные детали. Ещё одна личина из лога Каменка, расположенная левее и ниже описанного изображения, видимо, имела сходство с томской практически по всем деталям, но утверждать это мешает её плохая сохранность (рис. 5).

Дополняет эту картину изображение солнцеголовых персонажей, обнаруженных нами в 2005 г. на плоскости 7 Томской писаницы [Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005, с. 256, рис. 3] (рис. 6, I). Они имеют близкие аналогии среди изображений окуневской культуры, также относимых к её раннему этапу [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, №3, 7, 32 и др.].

Кроме этого, на нижнетомских писаницах есть серия изображений лосей, которые можно назвать типично окуневскими. На это ещё в 1970-е годы указывали некоторые исследователи. Так, Н. Л. Подольский увидел сходство в изображении животных, выполненных в ангарском стиле, с изображением некоторых животных из могильника Черновая VIII. Исследователь выделяет следующие общие для них

изобразительные приёмы: «массивная передняя часть туловища при поджарой задней части, сильно преувеличенные размеры выступа спины в районе лопаток («горб»), широко расставленные ноги идущего животного, преувеличенные размеры головы, удлинѐнная форма головы, удлинѐнная шея, трактовка кончиков ног развилками (на изображении фантастического зверя) [Подольский, 1973, с. 273]. К этому перечню следует добавить ещё один общий приём, выделяемый для изображений подобного типа: своеобразный показ задней части туловища животного, когда она вместе с задними ногами как бы развернута анфас. Подобный стилистический приём характерен только для изображений окуневской культуры Минусинской котловины и использовался при изображении лосей, быков, фантастических хищников [Молодин, 1993, с. 10–11; Ковтун, 1993, с. 30].

Н.Л. Подольский приводит сравнительную таблицу, в которой сопоставляет силуэты лося с Томской писаницы, быка и фантастического хищника из Черновой VIII и ещё одного фантастического хищника с горы Тюря [Там же, рис. 8]. Исследователь отмечает, что в своё время Я. А. Шер проделал любопытный опыт, совместив в сопоставимом масштабе изображения лосей и фантастических зверей, тем самым наглядно показав их сходство [Там же, с. 273, сноска]. Немного позже, в 1975 году, Я. А. Шер со своими соавторами приводит данный эксперимент в качестве изобразительного инварианта, дающего возможность говорить о принадлежности изображений к одному культурно-историческому периоду [Каменский, Маршак, Шер, 1975, с. 68, 71, рис. 22]. Подобное сравнение приводит и И. В. Ковтун в своей публикации 1993 года, правда, говоря как раз о различиях, видя их в способах орнаментации туловища и в прорисовке конечностей [Ковтун, 1993, с. 31, табл. 35, 12, 13]. Мы ещё раз составили сравнительную таблицу изображений нижнетомских лосей и окуневских хищников, дополнив её новыми изображениями (рис. 7). Связь, на наш взгляд, очевидна.

Что касается соотнесения петроглифов Нижнего Притомья с самусьской культурой, то, как отмечает Ю. Н. Есин, «...безусловно самусьскими можно считать лишь несколько изображений Нижней Томи, имеющих детальное сходство по комплексу признаков с изображениями на самусьских сосудах» [Есин, 2009, с. 155; рис. 59, 24–39, 43–46]. Хотя большинст-

во приведённых аналогий, ещё раз подчеркнём, имеют иконографическое, но не стилистическое, сходство. При этом основной персонаж наскального искусства Притомья – лось, которому, несомненно, уделялось важнейшее место в системе мировоззрения древних жителей здешних мест, вообще отсутствует на предметах самусьской культуры [Ковтун, 1993, с. 42; 2001, с. 126; Есин, 2009, с. 156]. Это, на наш взгляд, существенная деталь, которая заставляет искать создателей наскальных изображений среди представителей других культурных традиций.

Не отрицая влияния на наскальное искусство Нижнего Притомья культур, существовавших на этой территории, особенно в период развитой и поздней бронзы, а также раннего железного века, хотелось бы отметить следующее. В данной статье мы привели лишь те изображения, сходство которых с окуневскими буквально бросается в глаза. На наш взгляд, они, а также и другие изображения, могли быть оставлены носителями окуневской изобразительной традиции. Слишком сильное, порой «портретное» сходство эти рисунки имеют с рисунками указанного времени Минусинской котловины. Прослеживается не просто сильное влияние, а фактически прямое использование иконографии, стиля и мотивов этого богатейшего пласта древнего искусства.

Как нам представляется, первоначальный толчок развитию наскального искусства на Томи дали именно окуневы. Это могло произойти не одномоментно, а в широком хронологическом диапазоне, если учесть, что парциальная личина на Новоромановской и солнцеголовые персонажи на Томской писаницах относятся исследователями к раннему этапу окуневской культуры, хотя их могли создавать и на всём её протяжении [Леонтьев, Капелько, Есин, с. 19]. К наиболее ранним рисункам можно отнести замечательные изображения лосей на плоскости 7 Томской писаницы, которые отвечают характеристике реалистичного ангарского стиля, и некоторые другие изображения. А фигуры животных с мощным торсом и зауженным крупом, с анфас-профильным способом передачи задней части туловища, которые присутствуют на Томской и Тутальской писаницах, исследователи относят к заключительному этапу окуневской культуры [Савинов, 2005, с. 32]. Далее наскальное искусство нижнетомского очага могло развиваться, впитывая традиции

других существовавших на данной территории культур.

И хотя археологических памятников окуневской культуры в Кузнецкой котловине нет, её поселения и погребения известны не так далеко – «в предгорнотаежных районах Ачинско-Мариинской лесостепи» [Бобров, 1992, с. 11–12]. Поэтому нельзя отрицать вероятность открытия окуневских памятников в районах, прилегающих к нижнетомским писаницам, как это произошло, например, с культовым комплексом кулайской культуры, который был открыт в 2013 году и на сегодняшний день является пока единственным памятником этой культуры в Кузнецком Притомье [Марочкин, Конончук, 2014, с. 31]. И теперь датировка поздних изображений Новоромановской писаницы кулайским временем перестала казаться мало обоснованной.

На первый взгляд, в локальной культурно-хронологической схеме, полученной для территории, на которой расположены нижнетомские писаницы, нет места окуневским древностям, т.к. здесь существовали крохалевская культура ранней – начала развитой бронзы, самусьская культура и гребенчато-ямочный комплекс начального периода развитой бронзы [Там же], синстадиальные окуневской культуре. Но, учитывая, что Кузнецкая котловина и Ачинско-Мариинская лесостепь в древности представляли собой «контактную зону, периферию верхнеобского и среднеенисейского очагов древних культур» [Бобров, 1992, с. 39], здесь возможны новые интересные находки.

Литература

Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Есин Ю. Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск: Томский гос. ун-т, 2009. – 526 с.

Есин Ю. Н., Магай Ж., Руссельер Э., Вальтер Ф. Краска в наскальном искусстве окуневской культуры Минусинской котловины // РА. – 2014. – №3. – С. 79–88.

Зайка А. Л. Личины в наскальном искусстве Нижней Ангары // АЭАЕ. – 2012. – №1 (49). – С. 62–75.

Каменский И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М.: Наука, 1975. – 174 с.

Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов Северо-Западного Саяно-Алтая). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 184 с.

Ковтун И. В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. – №3. – С. 97–104.

Ковтун И. В. Самусьский медвежий праздник // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 92–95.

Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолигвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц) – Кемерово: Азия-принт. 2014. – 172 с.

Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Лодка и пятнадцать «пассажиров» // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – Вып. 2 (8). – С. 17–24.

Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2010. – Вып. 2. – С. 84–95.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Ранний комплекс петроглифов Новоромановской писаницы // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 344–348.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 352–354.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Крутая II – новое местонахождение петроглифов в Нижне-Томском очаге наскального искусства // Археологические микрорайоны Северной Евразии:

Материалы науч. конф. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – С. 65–68.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Тутальская писаница // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – Вып. 1 (7). – С. 21–29.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Рогатые лоси томских писаниц // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – Кемерово, 2014. – № 4 (60). – Т. I. – С. 39–43.

Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 355–358.

Ковтун И. В., Русакова И. Д., Мухарева А. Н. Предварительные результаты расчистки от лишайников петроглифов Новоромановской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Т. I. – С. 140–148.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Марочкин А. Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии: Материалы науч. конф. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – С. 86–91.

Марочкин А. Г., Герман П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 78–86.

Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Сизев А. С., Щербакова А. В., Плац И. А. Результаты исследований Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции ИЭЧ СО РАН в 2012 г. // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. – Вып. 4. – С. 84–95.

Марочкин А. Г., Конончук К. В. Археологические комплексы и культурно-хронологическая интерпретация петроглифов нижнетомского очага наскального искусства (историография вопроса) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – Кемерово, 2014. – № 4(60). – Т. 3 – С. 29–34.

Мартынова Г. С., Покровская А. Ф. Исследователи Томской писаницы. – Кемерово: Полиграф, 2000. – 70 с.

Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. – Иркутск: Ин-т земной коры СО РАН, 2011. – Том 1: История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. – 426 с.

Миклашевич Е. А. К изучению техники нанесения изображений Томской писаницы // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Вып. III. – С. 132–155.

Миклашевич Е. А. Документирование повреждений петроглифов Томской писаницы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Т. I. – С. 128–138.

Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 255–259.

Молодин В. И. Еще раз о датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1993. – С. 4–25.

Подольский Н. Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // СА. – 1973. – №3. – С. 265–275.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболлинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – 189 с.

Савинов Д. Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию Юрия Федоровича Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. – Вып. 1. – С. 28–34.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999. – С. 47–74.

THE SIXTH SURFACE OF TOMSKAYA PISANITSA ROCK ART SITE: new materials

I. D. Rusakova

Since 2005 the work on documentation and monitoring of the condition of rock art monuments of the river Tom has been being carried out. They lead not only to the specification of previously known images but also to the discovery of new ones. The article puts new images of Tomskaya pisanitsa rock art site, made with red paint, into scientific intercourse.

Key words: Ancient rock art, Tomskaya pisanitsa, petroglyphs, red paint, the Samus culture, the Okunev culture

В статье рассматривается уникальное наскальное изображение в виде двухголового оленя, обнаруженное в 2014 г. в Краснотуранском районе Красноярского края в Волчьем логу горы Тепсей (пункт Тепсей II). Выявляются его композиционные особенности, предлагается хронологическая и семантическая интерпретация.

Ключевые слова: Тепсей, скифская эпоха, петроглифы, двухголовый персонаж.

Несмотря на длительную историю изучения наскальных изображений на горе Тепсей этот памятник продолжает удивлять нас разнообразием необычных персонажей. Изучению одной из новых находок такого рода посвящена предлагаемая статья.

В 2014 г. в уже относительно полно обследованном пункте Тепсей II было обнаружено новое интересное изображение, представляющее собой фигуру оленя, из верхней части крупы которого как бы «проросла» голова другого оленя с почти вертикально поставленным изящным рогом (рис. 1, 1). Изображение выполнено в скифо-сибирском стиле в технике выбивки. Корпус животного заполнен частыми ударами, имитирующими его шерсть. Олень устремлён вправо, у него роскошный рог, расположенный вдоль туловища. Персонаж показан с приподнятой мордой, на которой обозначен глаз, передняя нога чуть короче задней, на округлом крупе проработан красивый завиток. Голова, «выходящая» из крупы, изящная, с тонкими вытянутыми губами, показанными слегка разомкнутыми. По сравнению с поистине фантазмагорическими персонажами окуневской культуры или другими фантастическими существами тагарской эпохи, соединяющими в себе признаки разных существ, это изображение выглядит достаточно сдержанно.

Первоначально у нас были некоторые сомнения относительно его древности и принадлежности к скифской эпохе. Смущали пропорции фигуры, довольно хорошая сохранность изображения, выполненного на гладкой плоскости, почти не имеющей следов лишайника. Последнее объясняется, очевидно, чрезвычайно удачным расположением плоскости – в своео-

бразной нише, практически со всех сторон прикрытой от непогоды. В той части плоскости, где нанесено изображение, проходят три продольные трещины, две из них достаточно глубокие и относительно широкие – одна идёт под ногами животного, другая над рогами, и третья, менее значительная – по отросткам рога (в настоящее время по линии этой трещины стали появляться пока незначительные колонии лишайников). Поэтому нет особых сомнений, что изображение было выполнено ещё до образования этих трещин (либо, когда они не были ещё столь явными, что также подтверждает его древность). Все остальные особенности данного изображения связаны, скорее всего, с персональными особенностями «руки» художника. Но мастером он был дотошным – пикетаж очень тщательный и аккуратный. Контур фигуры выполнен более широкой линией, а шерсть животного выбита, очевидно, уголком инструмента.

Внешняя «неброскость» этого персонажа имеет своё очарование. Первое впечатление от персонажа – олень с вычурным, поднятым вверх хвостом. Аналогичные хвосты (но опущенные) известны, например, у некоторых фантастических персонажей Жалтырак-Таша [Шер и др., 1987, рис. 7, 1, 2]. Но при внимательном осмотре становится понятным, что это оленья голова с тщательно проработанной мордой и рогом, как и у основной фигуры: вначале художник выбил основу рога двойной волнистой линией, потом на неё нанёс отростки. В целом, такой двухголовый персонаж нетипичен для наскального искусства Минусинской котловины, во всяком случае достаточно популярные здесь фантастические образы чаще всего *полиморфны* (многоприродны), и в них заложен, как

*Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К